

– Пять картин –

16+

Алексей Бородкин

Алексей Бородкин

Пять картин

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бородкин А. П.

Пять картин / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Слепой девушке Асте из Тёмного Мира предстоит операция. Доктор Криг обещал, что вернёт ей... нет, вернуть зрение он не в силах. Светочувствительность – вот за что идёт борьба. Кроме Доброго Доктора в рассказе присутствует мама девушки – Королева Анна Адамовна. Есть злодей Скин (молодой человек с добрыми помыслами). Есть любимая работа, и преданный Эдуар... и ещё много чего. Но главное, этот рассказ - фантастическая нефантастика. Или не фантастичная реальность – решать Вам.

Содержание

Картина первая: Спонсор	5
Картина вторая: Скин	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Картина первая: Спонсор

Доктор позвонил поздно, в первом уже часу ночи. Анна Адамовна посмотрела на телефонный аппарат (без малейших эмоций), сняла трубку – трубка сразу ожила, зарычала, зафыркала словами. Пару секунд женщина удерживала её на коленях (собираясь с мыслями), затем поднесла к уху:

– Я вас слушаю.

– Ну, наконец!..

В первые мгновения показалось, что доктор (звонил Михаил Николаевич) вдребезги пьян. Он перескакивал с одного на другое, сбивался, повторял слова по нескольку раз, суетился, как комнатная собачонка на уличном морозе.

– Срочно приезжайте! Есть меценат... то есть донор... спонсор... донор. А чёрт, я приплю за вами машину... нет, лучше приеду сам... Нет, сам я приехать не могу, не имею права! Мне нужно подготовиться. Приедет Бескровный... я попрошу...

Анна Адамовна пропускала через себя словестный поток и ждала. Ждала, когда появится четкая конкретная инструкция, как поступить ей. Врач оказался слишком взволнован и точных "цэ-у" не мог сформировать. Тогда женщина взяла ответственность на себя:

– Мы будем готовы через двадцать минут. Этого достаточно?

Криг (Михаил Николаевич) ответил через паузу. Анна Адамовна подействовала на него отрезвляюще (как и всегда).

– Ночью без пробок... да. Думаю, да. Достаточно. И... – доктор остановился. – Сегодня великий день.

– Будем надеяться.

Анна Адамовна прошла в спальню. Верхнего света зажигать не стала, подошла к кровати дочери.

– Астя!

Дочь спала крепко и сосредоточено. Вдумчиво. Так спят чрезмерно уставшие люди, или грудные младенцы, сон для них – прямая должностная обязанность.

– Астя, проснись! Нас вызывают.

Женщина включила ночник – яркий, режущий – дочь тут же открыла глаза. Она всегда тянулась к свету, любила летние дни, такие, чтобы в обед, часов около четырёх, делалось знойно и солнечно до одури. Чтобы трава и листья вяли, от света выгорали краски.

– Удивительно... – проговорила дочь.

– Что именно?

– Как быстро пролетела ночь.

– Нет, ночь ещё не пролетела, – голос матери стал низким грудным. Любящим. – Нас вызывают.

Несмотря на краткую передышку, на щеках девушки уже играл румянец. Под ночной сорочкой проступала развитая грудь. Анна Адамовна подумала, что её дочь зачнёт и родит здоровых детей (подумала не без гордости). "И счастлив будет муж, её познавший", – прилетела цитата из ниоткуда.

– Надо умыться и собраться. За нами пришлют машину.

Через двадцать минут Анна Адамовна и Астя стояли у подъезда. Было тихо и пусто; формально присутствовал фонарь – желтушный лампийон; покачивалась ветка. Машина не приходила ещё четыре минуты, и четырежды мать подумала, что доктор катастрофически непунк-

туален, а она – неразумная – допустила оплошность: можно было перекусить: "Неизвестно, как всё сложится".

Подъехала "Волга" – тёмная машина из тёмного прошлого, – доктор Бескровный (тоже врач, коллега Крига) распахнул дверь: "Садитесь!"

Анна Адамовна с дочерью уселись позади. Доктор молчал всю дорогу. Лишь однажды, подняв к зеркалу глаза, произнёс: "Ничего не знаю. Никаких подробностей. Криг позвонил, сообщил адрес". Анна Адамовна кивнула, принимая извинения Бескровного.

...Криг шагнул за стеклянную дверь кабинета (мелькала светлая тень), жестикулировал, что-то записывая на диктофон. Этот простецкий до примитивности деревенский человек долгое время был для Анны Адамовны загадкой. Потом она поняла, что док – гений. Только и всего.

Михаил Николаевич умел трое суток кряду спать на кушетке, питаться "дошикраком" и вялым кизилом (присылали родственники из Ферганской долины; посылки приходили в тряпичных тюках-коробках с сургучовыми потрескавшимися печатями, и вопиющими орфографическими ошибками в адресе). Чтобы поддерживать бодрость жевал табак "насвай" – он тоже таился в посылках. Умел выслушивать от технички пролонгированные томительные нравоучения о трудностях поддержания чистоты в "муниципальных объектах здравоохранения" (рыхлая полная техничка выписывала "Медицинскую газету" и прекрасно владела понятиями)... делал неловкое замечание, словно бы оступался, чтобы потом извиняться, тосковать, возвращать свои слова обратно и ещё полчаса выслушивать нравоучения. Но в операционной он был велик. Демон. Врубелевский демон: гривастый, чернявый, рельефный, беспощадный.

От главной хирургической медсестры валил пар, когда заканчивалась операция, и она выползала из кабинета. Анестезиолог глухо матерился, пил коньяк и зарекался работать с этим "безумным идиотиной".

Но в нужное время и в нужный срок команда собиралась по одному звонку.

– Появилась пластина? – спросила Анна Адамовна. Нарочно бесцветно, как бы предлагая доктору рассказать самому.

– Что? – Криг очнулся от мыслей. – А... нет... к сожалению нет... пластины не будет. Денег не нашли, пластины нет... но есть лучше, – доктор забеспокоился: – Есть донор.

Женщина огляделась. Она тысячу раз бывала в этом кабинете, однако впервые оказалась здесь ночью. "Следует заменить гардины и повесить тюль... и вообще, этот "квадратик рабочего помещения" следует стереть с лица Земли. Как порочащий звание Человека".

– Появился донор, – повторил Михаил Николаевич. – Я собираюсь рискнуть.

Он нервно побарабанил пальцами по столешнице, перелистнул тетрадный лист туда-обратно. Как оборотень, Криг находился в состоянии превращения из "бытового рохли" в "гениального демона". Ему следовало помочь, только Анна Адамовна не знала, как это сделать. Криг и сам не знал – как?

– Вы боитесь? – спросил (в большей степени, чтобы заполнить пространство кабинета).

Анна Адамовна опустила ресницы. Все мускулы лица расслабились, с него исчезло выражение.

Просто женщина.

Просто красивая.

Афродита.

Криг подумал, что у неё очень правильные черты. Высота лба равнялась длине носа, правильной формы подбородок с волнующей ямочкой. Расстояние между глазами тоже выбрано не произвольно: в него можно вписать третий глаз. Природа явно не торопилась, работая над этой женщиной.

Некоторые люди выходят из-под резца случайно, между прочим. Над некоторыми Природа долго корпит, не жалеет ресурсов.

– Нет, я не боюсь.

Картина вторая: Скин

В конце зимы, в феврале (кажется) месяце появилась первая... депеша. Анна Адамовна называла эти бумажки депешами.

На толстом дорогом картоне было начертано: "Пришло время очистить общество! Чтобы строить Будущее, мы должны избавиться от биологического балласта! Сдохни, тварь!"

Анна Адамовна автоматически отметила три восклицательных знака в трёх предложениях – начинающий автор всеми тщедушными силами пытался нагнать страху. Хотела выкинуть письмо, однако...

"Однако кто-то написал эту цидулку. Написал от руки..."

Женщина осмотрела конверт и бумагу, подумала о сыщике, который мог оказаться на её месте.

"Он молод – вне всяких сомнений. И хочет выплеснуть свою ярость. Только поэтому он не напечатал послание на машинке, не распечатал на принтере, но написал от руки... ненависть его переполняет – он так сильно давил на перо, что расцарапал бумагу... бедный мальчик".

Женщина слегка посочувствовала. Анна Адамовна разбиралась в предмете. Она работала в средней школе, преподавала русский язык и литературу. Знала, как сильно играют у подростков гормоны, и какие причудливые, порою чудовищные формы эта игра принимает.

Ученик девятого класса выпрыгнул из окна третьего этажа. Почему? В коридоре толпились "зрители" – стайка девочек из параллельного класса. Удалец сиганул в кучу снега. Выкрикнул какую-то глупость, в ключе: "Исследуем свободное падение одушевлённых тел!" – дело происходило перед уроком физики. Приятель Коля, гы-гыкая, запустил секундомер...

Опыт почти удался – вмешался лом. Случайно оставленный (или забытый) в снегу металлический лом пробил пареньку бедро. Такой вот, гвоздь программы.

Слава богу, в тот раз обошлось малыми потерями: рубец на сердце у директора школы, слёзы матери, комок растраченных нервов отца, семь швов на бедре экспериментатора и... и через два месяца "молодой самец" снова скакал в строю.

"Сдохни, тварь!"

Записка вернулась в конверт; Анна Адамовна поднялась в квартиру.

С этим парнем она ошиблась. Опыта много, да, поди ж ты... ошиблась.

На плите жарился лук, шкворчал и наполнял окружающее пространство томительными запахами. Следовало немедленно вмешаться, иначе нежная луковая плоть грозила обуглиться, а это, в свою очередь, разрушило бы суп. Анна Адамовна дивно умела приготовить грибной суп. Это умение было её тайным талантом.

Депешки продолжали приходить, появлялись с определённой периодичностью. Установить цикличность оказалось нетрудно, ибо она совпадала с коммунальными платежами. Какое-то время Анна Адамовна анализировала содержимое (было забавно наблюдать, как варьируются угрозы), затем утратила интерес к депешам. Текст крутился вокруг одного и того же: неполноценные должны быть уничтожены.

От такого однообразия родилась мысль, напоминающая вывод: "Единственный неполноценный в нашей компании – это ты, парень".

После этого Анна Адамовна перестала распечатывать конверты.

Была осень. Судя по слякоти – поздний октябрь. Рабочий процесс в школе утихомирился и вошел в колею. Начали "изучать" произведения Чехова. В программе значился "Дом с мезонином", и Анна Адамовна придумывала, как тактично (и незаметно) подменить его "Чайкой".

"Дом статичен, – размышляла учительница, – хотя и не лишен зерна истины. Чайка – живая... хотя и застрелена Треплевым. Парадокс".

День учителя прошел без потерь. Случалось, что преподаватель математики, приняв "допинг", делался кабацки развязен, болтал лишнего и даже давал рукам волю. Пожилой еврейский мальчик с манерами ямщика. Едва ли можно придумать, что-либо более парадоксальное.

В квартире стало прохладно, однако отопления ещё не включили; Анна Адамовна надевала шелковый французский халат на подкладке и тёплые носки.

Утром, первым делом, женщина поджигала газовую конфорку. Пока умывалась и приводила себя в порядок, кухня наполнялась теплом. Ставила кофейник, спускалась к почтовому ящику. Газету выписывала всего одну, и та приходила не каждый день, однако сформировался своеобразный ритуал. Остался от "прежних энергичных времён"... Когда-то в квартире проживала ещё одна семья: двоюродный брат мужа с женой и маленьким сыном. Оба (отец и сын) были "заводными мужиками" – так называла их Неля (жена и мать). В квартире было шумно, как на восточном базаре, весело, бестолково. Всё время (такое складывалось впечатление) что-то искали, а когда находили – радовались всем миром, будто нашли золотой слиток или рецепт вечной молодости, а не забытый безмен. Потом (когда от Анны Адамовны исчез муж) втора семья съехала. В квартире повисло облако предательства, брат не смог его выносить, собрал своих и уехал. Прощался глядя в пол – боялся глаза поднять.

Нелепый Закон Перехода Предательства: предаёт один (нечестный), а невыносимо стыдно делается другому (порядочному).

Впрочем, Анна Адамовна не считала себя брошенной. Она не любила бывшего мужа и не находила его исчезновение недостатчей. "Всё к лучшему", – решила женщина и сменила входные замки.

В этот день она вышла в подъезд чуть раньше, спустилась на второй этаж. Вдоль почтовых ящиков (длинного ряда металлических коробочек) мелькнула тень. Кто-то спрятался за трубу мусоропровода. Затаился.

Анна Адамовна открыла замок – депеша. Подумала:

"Вот и славно. Рано или поздно, встреча должна была произойти... уж коли мы пользуемся одним почтовым ящиком".

Не поворачивая головы, громко произнесла:

– Выходи. Я тебя заметила.

Она готова была увидеть прыщавого подростка лет четырнадцати-пятнадцати, однако из-за трубы вышел сформировавшийся молодой мужчина совершеннолетнего возраста. Самоуверенный, скользкий, неприятный. Его щёки чуть порозовели, и женщина поняла – ещё не всё потеряно. Под нахальством сохранилось что-то живое. Милосердное.

На парне была короткая кожаная куртка с меховым воротником. На голове вязанная чёрная шапочка.

– Ты хочешь поговорить? – осведомилась Анна Адамовна и вынула из кармана пачку сигарет.

"Кофе на плите... – вспыхнула мысль. – Ничего... Астя выключит".

Курила Анна Адамовна крайне редко, табачного дыма не любила, но теперь этот жест с сигаретой должен был показать кто здесь главный, и что предстоит долгий разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.